

АНДРЕЙ ДМИТРУК

АЛТАРЬ
УПРАВЛЕНИЯ

Андрей Дмитрук

Алтарь управления

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дмитрук А.

Алтарь управления / А. Дмитрук — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Мистическая фантазия. Вариант альтернативной истории: в наши дни практически весь земной шар охвачен локальными войнами. Особенно сильно они бушуют на бывшей территории Советского Союза. Бедность и разорение народов становятся нестерпимыми. Ко всем невзгодам примешивается пандемия чудовищной болезни «зелёная маска»...Пытаясь заработать себе на жизнь, по Украине кочует небольшой театр. Главная героиня повести, Алька Клюева, играет на его сцене. Театр едет на гастроли с оригинальной инсценировкой «Апокалипсиса». Но вдруг оказывается, что на Земле действительно происходит нечто, подобное сюжету пророчества Иоанна Богослова! Одна за другой страны гибнут под ударами эскадрилий невиданных летательных аппаратов, ведомых загадочным Чёрным Лордом...

© Дмитрук А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Андрей Дмитрук

Алтарь управления

Сказка рубежа столетий

*...Берет его Дьявол на высокую гору
и показывает Ему все царства мира и
славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе...*

Евангелие от Матфея.

*Если ты испуган – иди навстречу опасности и страху.
Книга «Бардо Тедол»*

Светлой памяти Людмилы Козинец

Из стихов, написанных в юности Алиной Клюевой

*...Вы, мы, орава, кошачий сброд,
В похоти вздымаем хвост свой!
Разве это – победный взлет?
Это – страшный скачок к звездам?
Ко всем сразу, все – загрести
И зарыться, как в волосы, в серебро светил...
Кто же нас может спасти?
Кто выведет
звучным ударом крыл?..*

* * *

*Я не знаю, кто ты.
Я не услышу
Ракеты рев и шаги в траве.
Выше космической крыши —
Великий, ладонь приложи к голове!
Зачем ты дал нам свободу воли?
Зачем муравьям подарил алмаз?
Вырви меня из всей этой боли,
Я так хочу!..*

* * *

...Струна сорвалась...

*Страстно хочу!
Спустишь!
Посмотри —
И унеси
в многомерный шар!..
Ты все равно у меня внутри,
И мысль моя – это твой, твой дар!
Я тоже,
вне всяких дорог и метров,
Увижу, как звезды растут из семечка...
«Время!» – зову, задыхаясь от ветра;
«Не уходи!
Подожди меня, времечко-о!..»*

* * *

*И – упаду на дорогу бульжную,
Выплюну кровь из черного рта...
Проклятье!
Скажи же мне, солнце рыжее:
Почему жизнь – не та?
Живу ли я,
или, может, это
Только ступень к настоящей жизни?..
Голос
слабеет
за тучами:
«Где ты-ы?..»*

* * *

*Дождусь.
Если мозг до тех пор не брызнет.*

Развернув пакет, церемонно поданный Ростиком, Алина ахнула так, что от зеркал обернулись. Корзун был просто прелесть, и стоило его при всех расцеловать, что она и сделала.

– А накурилась! – укоризненно сказал Ростик, отворачиваясь: он был застенчив.

– Чего это он тебе, Аль? Покажи, а?..

Оставив грим, девчата сбились вокруг Альки, кто с нарисованной половиной лица, кто вообще успев нанести лишь первые мазки: Нинуля с ангельскими крыльями, которые следовало еще расправить, Валюха – блудница Вавилонская – со стрелками туши до висков, сестры Ильчишины, сплошь набеленные и в рубахах до полу, как и следует воскресшим мертвецам. Баллончик стал переходить из рук в руки:

– «Ла-ко-сте...»

– Почему «Лакосте»? Это читается «Лакост»!

– Ну, ты же у нас полиглотка, три класса и один коридор...

– А-а, у меня был такой, два года пользовалась понемногу.

Дождавшись, пока схлынет щебет, Ростик перенес внимание на себя, как бесстрашного и умелого доставалу. От Дебрецена, где на тайно провезенный чемодан водки он выменял немало парфюмерии, с помощью знакомого проводника подался на спорные земли. Под Береговым шли бои, путь на северо-восток был закрыт; тогда Ростик отступил к румынской границе. Для пограничников был заготовлен паспорт Германской Федерации, где Корзун именовался жителем Риги; с немцами и их балтийскими сателлитами Румыния не воевала, он беспрепятственно доехал до Сирета. Два-три тюбика бритвенного крема «Пальмолив» помогли оказаться на Буковине, но тут-то и варился главный котел: за Глыбокой ревели установки «Град», сплошная стена дыма закрывала путь на Черновцы. Тогда по льду через Прут, под снарядами, летевшими с обеих сторон, затем, сверясь с картой, проселками на Хотин – двинулся Ростик в направлении дома... Один раз повезло в пути, подбросили украинские гвардейцы на БТРе; другой раз едва ушел от банды мародеров. Хотин был почти безлюден, знаменитая крепость разворочена румынскими бомбами. В разбитом магазине поживился Корзун тушонкой, взял бы и с собой, да поймал его издали на мушку зловредный снайпер. Ох, какие пришлось делать петли среди развалин, – а резвый красный зайчик лазерного прицела скакал совсем рядом!..

В Виннице дождавшись, пока подадут энергию для еженедельной электрички до Киева, на крыше вагона прибыл Ростик домой. Здесь было спокойно: нормальное военное положение, редкие воздушные тревоги. Одна лишь неприятность случилась еще на вокзале, фатально неизбежная: ЭВК. Тридцать часов в накопителе, рентген, куча анализов, в том числе – бр-р! – соскобы кожи и слизистой... Узнав, куда отбыл на гастроли «Вифлеем», Корзун пристроился к колонне грузовиков, гуманитарному конвою Всемирного Ордена Милосердия в Черкасы. По дороге их чуть не ограбили, пытаясь отнять драгоценный бензин, – есть же подонки, которых и красные крест с полумесяцем не смутят! Двигаясь через Городище, конвой оставил здесь медикаменты, сухое молоко – и впридачу его, Ростика.

Вручив Альке дезодорант и кое-какие мелочи раздав девочкам, Корзун ушел переодеться на мужскую половину гримерной, впрочем, даже условно не отделенную от женской, – в диком гастрольном быту друг друга не стеснялись. Она еще раз оглядела нарядный баллончик: ага, вот он, вмятый штамп, «андреевский крест», без которого, проверив товар, на месте шлепнет торговца любой, самый загребуший полицейский! Застрелит, а тело и все вещи обольет чем-нибудь горючим и сожжет, хоть бы там была коллекция брильянтов. Так сегодня повсюду, кроме районов сплошных боев: крестик ЭВК, электронно-вирусного контроля, наносится, оттискивается, чеканится, проплавляется на всем, чем торгуют.

Когда Ростик пригласил Альку покурить, девочки понимающе переглянулись: отношения этой пары служили неиссякаемой темой для разговоров. Ростик, которого в другом месте давно называли бы Ростиславом Евгеньевичем, нескладный молодец лет сорока трех, жидковолосый, в вечном пиджаке с кожаными заплатами на локтях, безнадежно влюбленный в Альку, часто и с убытком для себя прерывал деловые разъезды, дабы поучаствовать в спектакле «Вифлеема». Актер он был неплохой; как комерсант, отважно пересекавший фронты, полезен всему театру, оттого Альку уговаривали: «Будь ласковой, не гони». Да она, собственно, и не гнала, принимала Ростиково обожание добродушно-снисходительно.

Стоя возле урны на лестничной площадке, Корзун приводил все новые примеры своей удали, часто противореча прежде сказанному.

– Заврался, зверушка! – сказала Алина, взъерошив ему волосы. Этого Ростик не терпел и сразу полез за расческой. Тогда из кармана его выпал вчетверо сложенный листок.

– А, забыл совсем! Вот, в поезде один сунул; листовка не листовка, черт ее знает, вроде – по теме нашего спектакля...

Развернув, стал читать с клоунской торжественностью:

– «Люди Земли! Грядет час Последнего Суда...» Ну, тут, как водится, про экологию, про Евразийскую войну и атомные бомбардировки. «В довершение всех наших бед и несчастий, выползшая из преступных лабораторий, поразила мир «зеленая маска»...

– Скучно, – поморщилась Алька, – все эти сектанты долдонят одно и то же: Страшный Суд, конец, гибель... тошнит уже!

– Не скажи, выводы здесь оригинальные. Никаких призывов очиститься и покаяться, наоборот: «Осознав происходящее, мы затрудняемся назвать Бога любящим и всеблагим. Нет смысла надеяться на его жалость. Так что же, опустить руки и покорно ждать конца? Мы говорим – НЕТ! (Комментарий Альки: «Ух ты, сволочь!») Сотворив нас по образу и подобию своему, он имел неосторожность дать нам свободу воли. Первые люди на Земле уже были бунтарями! Но в чем состоял их бунт? Против злобной мощи Бога они были бессильны с голыми руками; бессильны и мы с ядерными ракетами! Адам и Ева, гордые, как сам Бог, выбрали изгнание и смерть. Будем же горды и мы. Он гонит нас в свой рабский рай, истребляя миллионами, – уйдем из его рук, отобрав свои жизни по собственной воле!»

– А что? – сказала Алька, подумав и выпустив струю дыма в облупленный потолок. – Достает. Неглупые мужики... чья там подпись?

– Носители Света. Есть контактный телефон.

– Молодцы Носители! Когда мне было лет пятнадцать, я была гадкий утенок... не возражать, вся морда была в прыщах, как огурец... писала безумные стихи и всерьез думала: вот, доживу где-нибудь до сорока, уйду подальше в лес и выпью яду. И теперь иногда об этом подумываю...

– Ну, это ты зря!

Жестянкой продребезжал звонок. Алька нехотя выбросила окурок: «Ну все, зверушка, пойдем ломать своего Шекспира!» Проходя мимо зеркала, еще раз оглядела себя, поправила пшеничную челку: ничего себе! Хоть и не вырос лебедь из гадкого утенка, но, право, нос так французисто вздернут и дерзко искристы янтарные глаза, что порой собою залюбуешься.

Дневной воскресный спектакль начался, хотя в зале сидело не более двух десятков человек. Впрочем, действие предназначалось для одного, самого главного в славном городе Городище и окрестностях. Он-то, пан Хоменко, районный представитель Президента и командир ополчения, в последнее время благоволивший к христианству, и заказал гастроль «Вифлеема». Кроме свиты хозяина района, в зале торчало с полдюжины подростков, готовых всю жизнь провести в сплошной ржачке и заранее гыгыкавших, да сидели одинокие старушки, не знавшие, куда девать время.

Уже готовая играть, кутаясь в синее покрывало, смотрела Алька в щель занавеса на сановного толстяка с лохматыми бровями. Хоменко и его спутники щеголяли земноводно-пятнистыми комбинезонами – новый стиль руководящих работников, фронтовая скромность. «С таким пузом тебе как раз на фронт!» Алька вспомнила все, что ей успели насплетничать на владыку Городища. Лет двадцать назад – диссидент из диссидентов, правозащитник, «узник совести», после падения прежней власти вдруг оказался народным героем, победителем... и такого испытания не выдержал. Избранный разом во все советы, вплоть до Верховного, прессою захваленный, телевидением избалованный, бедняга Хоменко поверил в свою исключительность – и закуролесил. Что там бывшие секретари Городищенского райкома партии!.. Отобрав у многолетних рабочих, годами ждавших жилья, три трехкомнатных квартиры, Хоменко слил их в одну двухэтажную, с бассейном и бильярдом; а когда захворал внук его, ненавидимый всей школой дурак и хвостун, дед за казенный счет послал мальчика лечиться в Швейцарию. Слову его были покорены все местные службы: начальник полиции, прокурор, директора заводов часто присутствовали при утреннем одевании демократа, словно вельможи в спальне Людовика XIV, получая в хамской форме разносы и указания. Быть может, в глубине крестьянской души затосковав о чаше смертном, недавно стал Хоменко окружать себя попами, богомол-

ками, юродивыми; срочно в одном из сел начали реставрировать церковь, а в Городище был приглашен скандальный киевский театр «Вифлеем».

Едва успела спрятаться Алька, когда пошел в стороны занавес. Мистерия началась.

– «Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и последний...» Щепоть горючего порошка, заранее брошенная на электроплитку, чадила вовсю, вентилятор гнал едкий дым на сцену, где, сдерживая кашель, воздевал руки Гена Волошук в буром балахоне, с разлохмаченным венником бороды. Гена отступил в кулисы, и под все более громкую какофонию струнных и духовых, обозначающую конец Вселенной, луч осветил перед задником кресло с Валерой Хозиным.

Валера сидел мучительно прямо, вцепившись в подлокотники. Над его головой, над обклеенным фольгой венцом возник яркий огненный круг, распался на семь звезд... Владыка в зале шумно пошевелился: не слабо Гарик Шнабель, народный умелец, из сущего металлолома собрал свою светозвуковую систему!

«Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся...» Пришла очередь Альки явиться перед очами городищенского мандарина. Оправив покрывало, тихим балетным шагом приблизилась она к Сидящему на престоле. Хозин по сторонам не глядел, старался прятать дыхание, но запах бил от него, приторно тошный. «Закусывать надо, Валерочка!» – шепнула Алька, и тут же лавиной рухнули слова судьи, воистину в нечеловеческий глас обращенные усилителями и ревербераторами Шнабеля: «Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся...»

Установка Гарика работала во всю мощь: «От престола исходили молнии и громы и гласы». Валерочка пытался сосредоточиться, поднимая перед собой книжку, обтянутую малиновым бархатом, с гипсовыми посеребренными печатями... руки трясутся, чуть не уронил... слава Богу, держит!

Первая печать была лихо сорвана. Из-за кулис, готовясь подняться, на сцену ужами выползали мертвецы, Алька слышала матерщину. Чад от раскаленной плитки повалил гуще, в ладонь кашляли уже все.

Выводить на сцену коней было бы накладно, да и противоречило режиссерской условности: потому трое актеров в черном изображали бешеную скачку. Четвертым всадником был Корзун, длинный и нескладный. При взгляде на него Альку передернуло: ну, приехал Борис Васильевич со своей символикой! Лицо Ростика было покрыто влажным мхом, с выгнившими ямами щек, – точь-в-точь «зеленая маска»...

Багровый свет залил чадную сцену. Старательно корчась, мертвецы вставали из могил: Ленка Ильчишина напялила корону, Витуля – папскую тиару... Отсчитав нужный темп, Алька молитвенно простерла руки к Сыну и заголосила, пытаясь вызвать Его жалость: «И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и скройте нас от лица Сидящего на престоле!...»

... Чтоб черти взяли этот громадный черный свиток, склеенный из листов ватмана, со звездами, присыпанными стеклом для сверкания! Он и на репетициях шел коробом; сейчас Нинуля с другим ангелом пытались скрутить его, спешили, пока еще не отвалился угловой лист. Наконец, небо было свернуто и осталось висеть на веревках; сестры Ильчишины, произведенные в праведницы, шустро вскочили на обтянутые черным кубы, прочие мертвецы простерлись на полу, и Гарик вывалил на них поток искр. Многовато паленого, подумала Алька, – как бы Хоменко не остановил спектакль.

Обошлось. В дымище и кастрюльном грохоте приближался главный момент мистерии. Помнилось Альке, Борис Василич хотел тут всунуть эпизод со звездой Польша, имея в виду то ли Чернобыль, то ли ядерные взрывы последних лет на Кавказе и в Хайфе, – уже и про-

тивогазы висели в костюмерной. Потом отказался режиссер от «лобешника», «агитки» – и прямо перешел к пышному появлению Вавилонской блудницы на звере. Зверь был неплох, с хищной улыбкой на морде, – самая дорогая бутафория, каркас варили на военном заводе, – но Валюха!.. Даже выдавшая виды киевская публика ерзала и раздувала ноздри при ее появлении. Губы чувственного клоуна, рыжая челка, алая прозрачная ткань на золоченых сосках; никакого нижнего белья, поза верхом на звере – колени в стороны, наглый вызов мужчинам, всему миру! Верилось словам, которые выкрикивал, борясь с алкоголем, Гена Волощук: «С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле». Подростки в зале восторженно взвыли, свита Хоменко на них зашикала. И было даже обидно, когда Валюха низверглась в ад кромешный, где мелькали жадные руки грешников, совсем не заслуживавших такой награды.

Последняя война, истребившая царей и воинство их, стараниями тренера по фехтованию выглядела недурно. Зато финал, по мнению Альки, вышел скучным и заболтанным. Все страхи и потрясения закончились; Гена Волощук, почти весь спектакль простоявший столбом у правой кулисы, то воздевая руки, то закрывая ими лицо, гнусавил на авансцене, как увидел он «новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет». С другой стороны, – думала Алька, простирая полы синего плаща над склоненными праведниками, – как покажешь на сцене «святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба»? Слайдами, что ли, небоскребов Манхэттена? Или гимнастическими упражнениями? Не Василичу с таким справиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.